

УДК 009:82-312.6 (Гуманитарные науки в целом. Автобиографические романы)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ «ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ» К.Г.ПАУСТОВСКОГО

© 2016 Н.А.Жаринов

Жаринов Николай Александрович, студент филологического факультета. E-mail: nikjar063@gmail.com

Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Первая мировая война заняла в творчестве Паустовского такое же особое место, какое она заняла в его судьбе и в истории России. Произведений, специально посвященных той войне, у Константина Георгиевича нет. Война послужила сюжетным фоном повести «Романтики» и второй в трилогии «Повесть о жизни» книги «Беспокойная юность». В 1945–1963 гг. Паустовский писал свое главное произведение — автобиографическую «Повесть о жизни», состоящую из шести книг: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», «Книга скитаний».

Ключевые слова: Первая мировая война в жизни и творчестве К.Г.Паустовского.

Вместо эпитафии хотелось бы привести слова Паустовского: «Если бы можно, я поселился бы в уголке любого товарного вагона и странствовал бы с ним. Какие прелестные дни я проводил бы на разъездах, где товарные поезда сплошь и рядом простаивают по несколько часов... А потом, в пути, сидел бы, свесив ноги, в открытых дверях вагона, ветер от нагретой за день земли ударял бы в лицо, на поля ложились длинные бегущие тени вагонов, и солнце, как золотой щит, опускалось бы в мгlistые дали русской равнины, в тысячеверстные дали, и оставляло бы на догорающем небе винно-золотистый свой след» [1].

Действительно, вся жизнь писателя была похожа на большое путешествие, и началось оно с Первой мировой войны. Первая мировая война заняла в творчестве Паустовского такое же особое место, какое она заняла в его судьбе и в истории России. Произведений, специально посвященных той войне, у Константина Георгиевича нет. Война послужила сюжетным фоном повести «Романтики» и второй в трилогии «Повесть о жизни» книги «Беспокойная юность». В 1945–1963 гг. Паустовский писал свое главное произведение — автобиографическую «Повесть о жизни», состоящую из шести книг: «Далекие годы» (1946), «Беспокойная юность» (1954), «Начало неведомого века» (1956), «Время больших ожиданий» (1958), «Бросок на юг» (1959–1960), «Книга скитаний» (1963).

В «Беспокойной юности» Первая мировая война занимает значительное место. Можно предположить, что свою роль в этом сыграла Великая Отечественная война: книга была адресована советским читателям, недавно пережившим

1941–1945 гг. Под влиянием событий тех лет автор не раз переосмыслил собственные воспоминания о годах Первой мировой. В «Повести о жизни» та война выглядит как бы опрокинутой в прошлое картиной Великой Отечественной.

«Россия сдвинулась с места. Война, как подземный толчок, сорвала ее с оснований. По тысячам сел тревожно били колокола, возвещая мобилизацию. Тысячи крестьянских лошадей везли к железным дорогам призывников из самых глухих углов страны. Враг вторгся в страну с запада, но мощный людской вал покотился навстречу ему с востока. Вся страна превратилась в военный лагерь. Жизнь смешалась. Все привычное и устоявшееся мгновенно исчезло» (278).

«Моя юность, – пишет К.Г.Паустовский в другом месте, – началась в последних классах гимназии и окончилась вместе с Первой мировой войной. Она окончилась, может быть, раньше, чем следовало. Но на долю моего поколения выпало столько войн, переворотов, испытаний, надежд, труда и радости, что всего этого хватило бы на несколько поколений наших предков» (275).

Действительно, Паустовский рано повзрослел. Впервые 20 лет жизни ему приходится принимать решения, которые нередко касались не только его жизни, но и жизни других людей. Несмотря на все трудности, горести и потери, которые выпали на этот период жизни, Паустовский не теряет в себе душевных и физических сил. Он остается тем же добрым и смелым мечтателем, каким был в детстве, не теряет на-

дежды и находит удивительное в окружающем его мире.

С началом Первой мировой войны К. Паустовский переехал в Москву к матери, сестре и брату и перевелся в Московский университет, но вскоре был вынужден прервать учебу и устроиться на работу. Работал кондуктором и вожатым на московском трамвае. В это время призывают в армию и отправляют на фронт его старших братьев – Вадима и Бориса. Константина Георгиевича не взяли в армию из-за сильной близорукости, кроме того, он был младшим сыном в семье и к тому же студентом. По тогдашним законам младшие сыновья, как и студенты, освобождались от военной службы. Но все это не остановило Паустовского. Он очень рано захотел быть писателем, а для этого ему надо было чувствовать себя участником исторических событий.

В России в то время существовала жизнь, которая шла помимо войны. Аудитории Политехнического музея ломались от публики, когда выступали футуристы или Игорь Северянин. Художественный театр в муках искал нового Гамлета. В Москве продолжались литературные «среды». Религиозная философия, богоискательство, символизм, призыв к возрождению эллинской философии – все это существовало рядом с передовой революционной мыслью и пытались завладеть умами.

Работа вожатым ночного санитарного трамвая стала как бы подготовкой – профессиональной и моральной – Паустовского к поступлению добровольцем в военно-санитарный отряд. Первоначально он работал в санитарном поезде, развозя раненых по тыловым госпиталям. В этих рейсах Паустовский покрыл десятки тысяч верст, впервые побывав во многих местах Великороссии. Этой поре жизни посвящена глава «Россия в снега». Происходило это в первую военную зиму – 1914–1915 гг.

«Мы были в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Самаре, Арзамасе, Казани, Симбирске, Саратове, Тамбове и в некоторых других городах. Города эти мне почему-то плохо запомнились. Гораздо лучше я помню небольшие станции, вроде какого-нибудь Базарного Сызгана, отдельные деревни, особенно одну, занесенную снегом избу на выселках» (316).

Сам Константин в это время работал добровольцем в санитарном отряде Земско-городского союза (Земгор). Не раз ему приходилось быть

под артиллерийским обстрелом. Трагические картины Великого отступления, сопровождавшиеся паническим бегством в тыл миллионов гражданского населения, на страницах «Повести о жизни» показаны очень сильно.

Осенью 1915 г. с полевым санитарным отрядом Паустовский отступал вместе с русской армией от Люблина в Польшу до Несвижа в Белоруссии. В это время могла исполниться мечта Константина Георгиевича – служба на морском корабле. Всю жизнь море являлось для него страстью. По случайности Паустовский не успел попасть на борт корабля, который был потоплен на следующий день немецким эсминцем.

Здесь, в санитарном отряде, Паустовский встречает свою любовь – медсестру Лелю. В «Повести о жизни» группа санитаров, в которой находились автор книги и Леля, была направлена в деревню, где, как оказалось, жители были поголовно заражены черной оспой. Уйти оттуда было невозможно, так как военные имели приказ никого не выпускать и стрелять по пытающимся уйти. Герою книги удалось ускользнуть только благодаря приближению линии фронта, вынудившему командование снять оцепление вокруг деревни. Однако за время пребывания в той деревне Леля умерла. Создавая «Повесть о жизни», Константин Георгиевич решил вплести эту трагическую историю в канву литературной автобиографии.

Часто будущему писателю приходилось бывать в типично фронтовых передрыгах. В конце концов он был ранен, попав под артиллерийский обстрел, а после выхода из госпиталя уволен из санитарного отряда «за политику», по его версии в «Повести о жизни».

Образы русских солдат занимают незначительное место в книге. Это неудивительно, так как Константину Георгиевичу редко приходилось наблюдать их в деле. Но там, где они появляются на страницах повести, они предстают обычными людьми, просто, но профессионально делающими свое дело.

«Один раненый своей выносливостью поразил даже невозмутимого Покровского. У раненого была разбита тазовая кость. Боль он испытывал нечеловеческую, но в операционный вагон пришел один, без санитаров, хватаясь за стены. Во время перевязки он попросил только разрешения закурить “для легкости”. Он ни разу не застонал, не вскрикнул, все время успокаивал всех санитаров. Боль выдавали только глаза. С каждой минутой они все сильнее выцветали, подергивались желтым налетом.

– Откуда ты такой взялся? – сердито спросил Покровский.

– Вологодские мы, – ответил раненый. – Меня мать родила, ваше высокородие, во сыром бору. Сама и приняла. И обмыла водицей из лужи. У нас, ваше высокородие, почитай, все такие. Раненый зверь, конечно, кричит. А человеку кричать не пристало» (338).

Самое угнетающее в повести – картины тысяч толп голодных, оборванных беженцев, многие из которых умирали прямо на дороге; родители и дети, навсегда потерявшие друг друга в этой паучиной суматохе, душераздирающие сцены, разыгрывавшиеся при отступлении.

«Голодная толпа беженцев рвалась к котлам. Её сдерживали солдаты... Толпа рванулась. Она оторвала мальчика от Сполоха (фамилия одного из санитаров. – Н.Ж.). Мальчик споткнулся и упал под ноги сотням людей, бросившихся к котлам. Он не успел даже закричать... Я выхватил револьвер и разрядил его в воздух. Толпа раздалась. Мальчик лежал в грязи. Слеза еще стекала с его мертвой бледной щеки» (392).

Натурализм и трагичность сцен отступления в «Повести о жизни» обнаруживаются в простом и безоценочном описании событий.

В Несвиже Паустовского ранят. В больнице он неожиданно узнает печальные новости:

«Романин часто присылал мне небольшие посылки – сыр, колбасу, сахар. Как-то от нечего делать я просматривал старую измятую газету. В нее был завернут сыр, и газета была вся в жирных пятнах.

В отделе погибших на фронте было напечатано: “Убит на Галицийском фронте поручик саперного батальона Борис Георгиевич Паустовский”,

и немножко ниже: “Убит в бою на Рижском направлении прапорщик Навагинского пехотного полка Вадим Георгиевич Паустовский”» (430–431).

Так судьба принесла в жертву войне его братьев, но пощадила его самого.

После возвращения в Москву и похорон братьев Паустовского вызывает к себе главный уполномоченный кадетской партии Щепкин. Во время пребывания Паустовского в Замирье в составе санитарного отряда туда приезжал Николай Второй. Константин Георгиевич в сатирическом виде описал эти события в письме к другу. Военная цензура прочитала именно это письмо. Паустовскому приказали сдать документы и получить расчет. Так закончилась для него Первая мировая война.

В конце 1950-х гг. Паустовский – уже признанный классик. Его переводят, издают. Он заканчивает свой главный труд – «Повесть о жизни». Но вместо удовлетворения от сделанного – сомнения и желание начать все сначала.

«Если бы можно было, я назвал бы свою книгу “Предостережение”. Предостережением для всех, кто живет в своем вымышленном мире и не считается с суровой действительностью. Что говорить о сожалении? Оно разрывает сердце, но оно бесплодно, и ничего уже нельзя исправить – жизнь идет к своему концу. Поэтому я кончаю эту книгу небольшой просьбой к тем, кого я любил и кому причинил столько зла, – если время действительно очищает наше нечистое прошлое, снимает грязь и страдание, то пусть оно вызовет в их памяти и меня, пусть выберет то нужное, хорошее, что было во мне» [2].

1. Паустовский, К.Г. Повесть о жизни // Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 8 томах. М., Художественная литература, 1968. Т. IV. С. 595. В дальнейшем цитаты приведены по этому изданию, в скобках указаны страницы.
2. Литературная газета. 1968. №38. 20 сентября. С. 298. Уже после кончины К.Г.Паустовского в архиве писателя отысканы две черные клеенчатые тетради, содержащие первый, черновой вариант «Далеких годов». В нем, помимо главы «Браво, Уточкин!» (первая часть ее через месяц после смерти Паустовского была напечатана в «Литературной газете»), нашлась еще одна глава, о которой автор никогда не упоминал. Это «Последняя глава». Знакомство с этой главой убеждает в том, что ей предназначалась роль заключения, своеобразного лирического эпилога (Там же).

WORLD WAR I IN K.G.PAUSTOVSKY'S AUTOBIOGRAPHICAL BOOK "THE STORY ABOUT LIFE"

© 2016 N.A.Zharinov

Nikolay Aleksandrovich Zharinov, Student of philological faculty. E-mail: nikjar063@gmail.com

Samara State University of Social Sciences and Education. Russia

World War I occupied in Paustovsky's creativity the same specific place as it did in his destiny and in the history of Russia. Konstantin Georgiyevich has no works which are specially devoted to the war. War served as a subject background of the story "Romantics" and the second in the trilogy "The Story about Life" book "Uneasy Youth". In 1945-1963 Paustovsky wrote his main work — the autobiographical "Story about life" consisting of six books: "Distant years", "Uneasy youth", "The Beginning of an unknown century", "Time of big expectations", "Sudden advance to the south", "Book of wandering".

Keywords: World War I in K.G.Paustovsky's life and creativity.

1. Paustovskii, K.G. Povest' o zhizni (The story about life) // Paustovskii K.G. Sbranie sochinenii: V 8 tomakh. M., Khudozhestvennaia literatura, 1968. T. IV. S. 595. V dal'neishem tsitaty privedeny po etomu izdaniuu, v skobkakh ukazany stranitsy.
2. Literaturnaia gazeta. 1968. №38. 20 sentiabria. S. 298. Uzhe posle konchiny K.G.Paustovskogo v arkhive pisatel'ia otyskalis' dve chernye kleenchatye tetradi, sodержashchie pervyi, chernovoi variant «Dalekikh godov». V nem, pomimo glavy «Bravo, Utochkin!» (pervaia chast' ee cherez mesiaty posle smerti Paustovskogo byla napechatana v «Literaturnoi gazete»), nashlas' eshche odna glava, o kotoroi avtor nikogda ne upominal. Eto «Posledniaia glava». Znakomstvo s etoi glavoi ubezhdaet v tom, chto ei prednaznachalas' rol' zakliucheniia, svoeobraznogo liricheskogo epiloga (Tam zhe) (Literary newspaper. 1968. No. 38. September 20. Page 298. After K. G. Paustovsky's death in the writer's archive there were found two black oil-cloth notebooks containing the first draft of "Distant years". In it, besides the chapter "Bravo, Utochkin!" (its first part a month after Paustovsky's death was printed in "Literary newspaper"), there was one more chapter which the author had never mentioned. It is "Final chapter". Acquaintance with this chapter makes it clear that its intended role was that of the conclusion, a peculiar lyrical epilog (Ibid)).